

ЦЕРКОВНЫЕ ОБХОДЫ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1958—1964 гг. (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ, ПЕРМСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Ж. М. Красулина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются формы связи Русской православной церкви с прихожанами в период хрущевской антирелигиозной кампании (1958 — 1964) на примере церковных обходов. На основе анализа материалов архивных фондов автор приходит к выводу о том, что церковные обходы стали одним из основных способов поддержания обрядовой жизни в условиях антирелигиозной борьбы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, церковные обходы, антирелигиозная пропаганда, советское государство, приспособление Церкви.

Обходы домов православным духовенством имели давнюю традицию. Самыми распространенными были праздничные обходы. Если приход был большой, то священники обходили деревни несколько дней. В каждом доме священник служил молебен, кадил, кропил все святой водой [13]. Массовые закрытия церквей в советский период придали традиционным обходам новое значение. Сокращение возможностей для обеспечения обрядовой жизни в условиях антирелигиозных преследований вынуждали Русскую православную церковь искать формы адаптации к социалистической действительности. Одной из них стало перемещение обходов из традиционной празднично-обрядовой сферы в повседневную служебную практику.

Период правления Н. С. Хрущева запомнился как время, когда в СССР была сделана последняя попытка в короткий срок и окончательно ликвидировать религию как социальное явление [14, с. 33]. Институт Церкви не вписывался в проект советской модернизации общества, но и не отмирал. В советских социально-политических и социокультурных реалиях Церковь не оставалась пассивной, страдающей стороной, и отвечала на вызовы времени. По утверждению В. Флетчера, именно практическое приспособление Церкви стало ее главным преимуществом в борьбе за выживание [18, с. 160].

В середине 1950 — начале 1960-х гг. эпицентром духовной жизни православных верующих традиционно оставался храм. В дни религиозных праздников посещаемость многих церквей на Урале в среднем превышала 1000 человек [3, л. 6—10]. Высокий уровень религиозности советского населения в период позднего социализма отмечается в работах многих исследователей [15, л. 332]. Историк Н. В. Шлихта справедливо замечает, что антирелигиозная политика государства лишь усиливала мотивацию верующих [16]. Более того, на локальном уровне благодаря усилиям отдельных епископов влияние Русской православной церкви на местах увеличивалось, возрастал ее престиж в глазах на-

селения. Косвенно об этом может свидетельствовать увеличение доходов церкви. Так, в центральной части России в 1961 г. ее доход составил 1 миллион, а уже в 1964 г. он превысил 1,8 миллиона рублей [19, л. 185].

Целью настоящей статьи является рассмотрение форм связи Русской православной церкви с верующими в период хрущевской антирелигиозной кампании (1958—1964 гг.) на примере церковных обходов, ставших одним из наиболее ярких проявлений практического приспособления Русской православной церкви к советской секулярной действительности. Обходы помогали преодолеть социальную изоляцию Церкви, позволяли выйти за узкое, отведенное для нее пространство существования, оказать влияние на широкие массы населения, а не только на «типичных» верующих. Для воцерковленных людей (особенно пожилого возраста), проживавших в городах и районах, где не было действовавших церквей, обходы становились единственной возможностью вести полноценную церковную жизнь. Как можно узнать из отчетов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви, во время таких обходов священник мог вести широкую агитацию по привлечению граждан к церковной жизни, крестить детей, говеть, совершать освящение домов, колодцев и другие требы [2, л. 42]. В своем исследовании мы будем опираться на документы Государственного архива Российской Федерации, в частности, фонды уполномоченных Совета по делам РПЦ по Свердловской, Пермской и Челябинской областям, которые имели наиболее крупные на территории Урала православные общины.

Регулярное упоминание об обходах в ежеквартальных отчетах уполномоченных, рабочей переписке с Советом по делам Русской православной церкви свидетельствует о том, что с середины 1950-х гг. обходы стали привычным признаком религиозной жизни, особенно в сельской местности, где церкви стояли закрытыми. Уполномоченный

Совета по Свердловской области П. М. Бирючев писал, что «в прошлые годы имели место единичные случаи обходов и совершения обрядов в домах верующих, а сейчас это участилось» [8, л. 53]. Так, в Свердловской области священник Троицкой церкви г. Ирбита иеромонах Д. Санников без приглашения верующих выезжал в сельские районы и совершал подворные обходы жилых домов, исполнял в них требы, распространял среди местного населения информацию о расписании праздничных служб в церкви г. Ирбита [9, л. 24]. В Пермской области некоторым священникам удавалось обходить за день по 10—20 сельских домов, совершать в них богослужения и вести агитацию за посещение церкви [2, л. 42—43].

Можно выделить три основные причины, содействующие превращению обходов в масштабную практику. Во-первых, как уже было отмечено выше, ощутимая нехватка церквей, прежде всего, в отдаленных и труднодоступных сельских районах. Во-вторых, маленькая площадь большинства действующих храмов, которые были не способны вместить большое количество прихожан, особенно в дни важнейших религиозных праздников. В-третьих, обходы были способом поддержания обрядовой жизни, который было проще скрыть от надзора государственных органов. Получить хотя бы какую-то информацию об обходах можно было только из неофициальных разговоров с верующими.

Условно обходы можно разделить на два типа. Первый тип — нелегальные обходы населенных пунктов без приглашения верующих. Они стали ответом православных священников на хрущевскую антицерковную кампанию. Второй — по приглашению верующих. Именно второй тип обходов был характерен для тех советских верующих, которые стремились скрыть собственную принадлежность к Церкви.

Шагом духовенства навстречу запросам верующих, а также способом охватить большее количество людей, становилась организация богослужений. Например, в церквях Свердловской области, где служило три священника и более, исполнение треб было организовано следующим образом: один священник вел службу в церкви, второй священник исполнял в ней требы, а третий выполнял обязанности разъездного священника — ездил по населенным пунктам и исполнял требы на дому. В храмах с двумя священниками организация службы в церкви строилась по неделям: первый священник в течение недели служил в церкви, а второй в это время исполнял требы на дому, затем они менялись ролями. В маленьких храмах с одним священником (число таких храмов доминировало) обходы практиковались в будние дни, а богослужения, совершаемые в храме, проходили по субботам и воскресеньям. Небольшое количество церквей, приходившихся на тысячи верующих, включали священнослужителей в соответствующий церковный ритм. Один из священников Пермской области отмечал, что «люди хотят крестить детей, освещать дома, исповедоваться, причащаться... ходим каждый день. С 6 утра до 10 вечера» [1, л. 17].

В документации Совета по делам Русской православной церкви середины 1950 — начала 1960-х гг. встречаются две прямо противоположные оценки церковных обходов. Чаще всего уполномоченные Совета рассматривали их как наиболее «пагубный способ религиозной пропаганды» [6, л. 19]. Отдельные руководители считали, что «всякие хождения с требами нужно запретить» [6, л. 33]. Особенно это касалось обрядов крещения в домах верующих, носивших в этот период массовый характер. Уполномоченный по Свердловской области П. М. Бирючев писал: «Систематические выезды священников для совершения религиозных треб в города и районы, где нет действующих церквей, не рекомендуются, а для совершения треб верующим следует приезжать в действующие церкви в ближайших по месту жительства районах» [8, л. 14]. Региональные уполномоченные постоянно напоминали местным священникам, что их права ограничены лишь «посещением верующих» и только «по приглашению» [6, л. 32]. Совершение нелегальных обходов могло иметь для священника негативные последствия вплоть до снятия с регистрации в качестве священнослужителя. После чего священник сам оказывался на нелегальном положении и не мог служить ни в одном из храмов области.

Регулярное обнаружение властями (часто по доносу соседей) фактов обходов говорило о сопротивлении рядового духовенства антирелигиозной политике государства. В отчетах уполномоченные докладывали, что штатные священники выезжают в населенные пункты без вызова верующих и «ведут обработку местных жителей» [4, л. 1]. Однако чиновники Совета не отмечали главного — местное население горячо приветствовало приезды священников. Более того, многие из верующих граждан обращались с просьбами о разрешении священникам совершать обходы в их селах и деревнях. Так, в 1961 г. на имя уполномоченного по Челябинской области В. Г. Салова пришло коллективное заявление, подписанное 26 верующими, в котором они просили разрешения на совершение религиозных обходов в их селе [5, л. 7]. В одном из писем от верующих Шалинского района Свердловской области и вовсе было заявлено, что им в большей мере нужно не помещение церкви, а разъездной священник района [11, л. 39]. В письмах верующие признавались, что «привычка сходить в храм у них осталась, а далеко и если приедешь, то в храм в городе не попадешь... стоять на улице в холод и дождь тяжело» [7, л. 35].

Механическое сокращение сети церквей не вело автоматически к отходу населения от религии. В процессе разрушения традиционного прихода взаимоотношения между духовенством и верующими трансформировались и возникали новые коллективные практики. Например, практика коллективных крещений взрослых и детей, все чаще приобретающая полуправославный — полугражданский характер. Комбинированные церемонии, в которых миряне совершали обряд крещения, а священники дополняли его, были нередким явлением в уральских селах и деревнях. Так, пермский священник Пастухов рассказывал: «Много верующих в селе Молебка, я там был и в течение двух дней окрестил

более 100 человек, когда я туда пришел, меня увидели и потащили со всего села и соседних деревень крестить — окружили меня и не выпускали, часть я не крестил, а только миропомазание проводил, потому что детей уже погружали местные бабки» [2, л. 12]. Слова священника как нельзя лучше иллюстрируют зависимость обрядовой практики от конкретных условий, а распространение местных практик свидетельствует о попытках верующих сохранить православную традицию.

Малоинформированность властей о фактах обходов давала возможность духовенству организовывать богослужения с привлечением большого количества народа. В ограду дома, где шли массовые богослужения, могли заглянуть и «любопытствующие соседи», которые, так или иначе, «ловили» религиозные смыслы. Уполномоченный Совета по Челябинской области В. Г. Салов, до которого информация о внехрамовых богослужениях дошла с заметным опозданием, писал, что «в одном из домов с. Тургояк священники Завьялов и Скоробогатов устроили массовые богослужения, на которых участвовало свыше 70 человек взрослых и около 25 детей» [12, л. 45].

Уполномоченные Совета не переставали удивляться способности Церкви к приспособлению [19, с. 186]. Как ни странно, положительное влияние на это оказывала и сама социалистическая действительность. Нередко на локальном уровне между местными органами советской власти и Церковью возникали сложные негласные отношения, часто не совпадавшие с заявленными целями советского государства [17, л. 562]. Так, многие государственные и общественные организации за денежное вознаграждение оказывали Церкви определенные услуги, например, предоставляли для развозов священников колхозный транспорт [2, л. 44].

Итак, дискриминационная политика государства встречала противодействие со стороны Церкви. Однако сопротивление антирелигиозной политике государства следует искать не в форме открытых выступлений против режима, а на уровне повседневной практики, церковной рутины. Защита православной традиции от советского секуляризма представлялась возможной через практическое приспособление Церкви к советским реалиям, которое выражалось как в формировании новых форм адаптации, так и в преобразовании традиционных. Ярким примером такой трансформации в период хрущевской антирелигиозной кампании стал опыт обходов, сместивший акценты с праздничной на

повседневную религиозную практику. Обходы позволяли поддерживать живую связь православных верующих с храмом, а также решать другие наиболее для Церкви проблемы, в частности, упорядочивать церковную жизнь, «перебивать» практику отправления религиозных обрядов безместным духовенством, запрещенными клириками и священниками-самозванцами, бродившими по населенным пунктам в поисках случайного заработка. Более того, практика обходов позволяла скрыть видимые проявления религиозности от всевидящего ока советской власти.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 936.
2. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 941.
3. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 942.
4. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 948.
5. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 949.
6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1131.
7. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1135.
8. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1140.
9. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1144.
10. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1150.
11. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 30.
12. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1477.
13. Макарова, Д. Ю. Атеистическая пропаганда в СССР в 1954—1964 годах (на материалах Курской области) / Д. Ю. Макарова // *Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения.* — 2013. — № 3. — С. 33—39.
14. Такахаси, С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие во Владимирской области / С. Такахаси // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* — 2013. — № 3-4. — С. 327—347.
15. Шлихта, Н. В. От традиции к современности: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е — 1960-е гг.) / Н. В. Шлихта // *КиберЛенинка: сайт.* — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-traditsii-k-sovremennosti-pravoslavnaya-obryadnost-i-prazdniki-v-usloviyah-antireligioznoy-borby-na-materialah-ussr-1950e-1960e-gg> (дата обращения: 05.09.2019).
16. Юрчак, А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. В. Юрчак. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.
17. Fletcher, W. C. *Study in Survival: the Church in Russia 1927—1943* / W. C. Fletcher. — London: S.P.C.K., 1965. — 169 p.
18. Smolkin-Rothrock, V. *The ticket to the soviet soul: science, religion, and the spiritual crisis of late soviet atheism* / V. Smolkin-Rothrock // *The Russian Review.* — 2014. — № 73. — P.171—197.

КРАСУЛИНА Жанна Мурадовна, аспирант, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: krasulina.zhanna@mail.ru

Поступила в редакцию 24 декабря 2019 г.

CHURCH ROUNDS DURING THE KHRUSHCHEV ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN OF 1958—1964 (ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK, PERM AND CHELYABINSK REGIONS)

Zh. M. Krasulina, krasulina.zhanna@mail.ru,

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the forms of communication of the Russian Orthodox Church and parishioners during the Khrushchev anti-religious campaign (1958 — 1964) examining church rounds as an example. Based on the analysis of materials from archival collections, the author concludes that church rounds have become one of the general ways to maintain ritual life in the conditions of anti-religious struggle.

Keywords: Russian Orthodox Church, church rounds, anti-religious propaganda, the Soviet state, adaptation of the Church.

References

1. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 936.
2. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 941.
3. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 942.
4. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 948.
5. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 949.
6. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 1131.
7. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 1135.
8. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 1140.
9. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 1144.
10. GARF, F. R-6991. Op. 1. D. 1150.
11. GARF, F. R-6991. Op. 3. D. 3.
12. GARF, F. R-6991. Op. 3. D. 1477.
13. Makarova D. Ju. Ateisticheskaja propaganda v SSSR v 1954—1964 godah (na materialah Kurskoj oblasti). [Atheistic propaganda in the USSR in 1954 — 1964 (based on materials from the Kursk region)]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija «Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija»*. [Proceedings of the University of Saratov. Ser.: History. International relationships], 2013, no 3, pp. 33–39.
14. Takahasi S. Dva tipa religioznosti vremen pozdnego socializma: pravoslavnye verujushhie vo Vladimirskoj oblasti. [Two types of religiosity since the late socialism: the Orthodox believers in the Vladimir region]. *Dva tipa religioznosti vremen pozdnego socializma: pravoslavnye verujushhie vo Vladimirskoj oblasti*. [State, religion, church in Russia and abroad], 2013, no 3 — 4, pp. 327–347.
15. Shlihta N. V. Ot tradicii k sovremennosti: pravoslavnaja obrjadnost' i prazdniki v uslovijah antireligioznoj bor'by (na materialah USSR, 1950-e — 60-e gg.) [From tradition to modernity: Orthodox rituals and holidays in the context of anti-religious struggle (based on materials of the Ukrainian SSR, 1950s — 60s)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-traditsii-k-sovremennosti-pravoslavnaja-obryadnost-i-prazdniki-v-uslovijah-antireligioznoj-borby-na-materialah-ussr-1950e-1960-e-gg> (accessed: 2.04.2017).
16. Jurchak A. V. Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee so-vetskoe pokolenie [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. Moscow, 2014, 664 p.
17. Fletcher W. C. [Study in Survival: The Church in Russia 1927 — 1943]. London, 1965, 169 p.
18. Smolkin-Rothrock V. [The ticket to the soviet soul: science, religion, and the spiritual crisis of late soviet atheism]. *The Russian Review*, 2014, no 73, pp. 171 — 197.

Received December 24, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Красулина, Ж. М. Церковные обходы в период хрущевской антирелигиозной кампании 1958—1964 гг. (на примере Свердловской, Пермской и Челябинской областей) / Ж. М. Красулина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 98—101. DOI: 10.14529/ssh200114

FOR CITATION

Krasulina Zh. M. Church rounds during the khrushchev anti-religious campaign of 1958 — 1964 (on the example of the Sverdlovsk, Perm and Chelyabinsk regions). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 1, pp. 98—101. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200114